

0-775212

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Фомина Наталья Сергеевна

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНКРЕТИЗАТОРЫ
КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО
В ПРОЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2009

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор Тарланов Замир Курбанович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Лысакова Ирина Павловна
кандидат филологических наук, доцент Вяткина Светлана Вадимовна

Ведущая организация:

Российский государственный университет имени Иммануила Канта

Защита состоится 19 марта 2009 г. в 16⁰⁰ часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9)

Автореферат разослан «08» 02 января 2009 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000525748

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Руднев Д. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено систематизации и стилистическому анализу конструкций конкретизирования в прозе Н. С. Лескова.

История изучения творчества Николая Семеновича Лескова, русского писателя второй половины XIX века, насчитывает не одно десятилетие. Между тем долгое время его талант оставался не оцененным по достоинству. Только во второй половине XX века его творчество получило, наконец, заслуженное признание, и сегодня писатель воспринимается как глубокий мыслитель и знаток загадочной русской души, «писатель сложного мировоззрения и сложной творческой судьбы» (Тарланов, 1983).

В настоящее время научный и читательский интерес к Н. С. Лескову достиг высокого уровня как в России, так и в зарубежном мире. Хотя работ, посвященных жизни и творчеству писателя, сравнительно немного, благодаря монографиям Б. Эйхенбаума, Б. Другова, И. Столяровой, Б. Бухштаба, В. Троицкого, Л. Аннинского и других исследователей можно «удовлетворительно объяснить то, что казалось современникам писателя неразрешимым парадоксом» (Дыханова, 1980). Противоречия Лескова, на которые постоянно указывали критики его творчества, были противоречиями большого художника.

Своеобразие и сила художнического таланта Н. С. Лескова состоит, в частности, в его особом стиле. Интерес автора к поэтическому слову привлекал внимание исследователей. Несмотря на это большинство монографий, которые, конечно, затрагивают некоторые вопросы, касающиеся специфики языка и стиля писателя, в целом представляют собой работы литературоведческого характера.

Художественный опыт Н. С. Лескова, который «представляет собой великую школу целесообразного и целенаправленного использования народного языка во всем его разнообразии» (Тарланов, 1983), заслуживает пристального внимания, причем на всех языковых уровнях. Между тем исследователи языка художественной литературы, в том числе и языка Н. С. Лескова, изучая, как правило, лексическое и фразеологическое своеобразие, не уделяют должного внимания синтаксису. По мнению же А. И. Ефимова, автора многочисленных работ по стилистике русского литературного языка и языка русской художественной литературы (Ефимов, 1957, 1969), «специфика слога (индивидуального словесно-художественного стиля) писателя наиболее отчетливо проявляется в синтаксисе».

В рамках диссертационного сочинения охвачены не все синтаксические единицы, используемые писателем, а главным образом те их

структурно-стилистические типы, частотность и особая яркость которых существенны для идиостиля писателя.

Рассматривая синтаксическое своеобразие языка Н. С. Лескова, мы сосредоточили внимание на оборотах, осложняющих элементарную модель предложения, тем более что, по словам Н. В. Патроевой, «в течение последних десятилетий, в связи с активным развитием таких отраслей лингвистики, как семантический и коммуникативный синтаксис, стилистика и грамматика текста, интерес исследователей к осложняющим конструкциям заметно возрос» (Патроева, 2005). Для исследования были выбраны уточняющие, поясняющие обороты и другие смежные семантико-синтаксические явления, объединенные функцией конкретизирования.

Таким образом, **актуальность исследования** обусловливается рядом обстоятельств: во-первых, как было сказано выше, язык Н. С. Лескова, в особенности его синтаксис, практически не изучались; во-вторых, несмотря на относительно давнюю традицию изучения, в отношении конкретизирующих конструкций, осложняющих структуру простого предложения, остается ещё много спорных вопросов.

Классификация конструкций конкретизирования, представленная в диссертации, позволяет проследить взаимосвязь функционирования данных синтаксических построений в художественном тексте с их семантическими и структурными особенностями, а также выявить их стилистические возможности.

В диссертации впервые предпринимается попытка объединить под термином *конструкции конкретизирования* такие синтаксические построения, как пояснительные конструкции, уточняющие члены предложения, субстантивные обороты, однородные члены предложения с препозитивным обобщающим словом и другие смежные семантико-синтаксические явления, которые в современной лингвистической литературе до сих пор «остаются недостаточно четко очерченными» (Патроева, 2002).

Конструкции конкретизирования описываются как одно из средств создания экспрессивного синтаксиса вообще и синтаксиса Лескова в частности. Академик В. В. Виноградов в круг необходимых исследований по стилистическому синтаксису включал «проблему экспрессивных – выразительных, изобразительных – оттенков, присущих той или иной синтаксической конструкции или тем или иным комбинациям синтаксических конструкций» (Виноградов, 1953). В современной лингвистике проблемы экспрессивного синтаксиса приобретают все большую актуальность, хотя исследований, посвященных изучению тех или иных конструкций в художественном тексте сравнительно немного (см., напр.: Иванчикова, 1979; Сковородников, 1981; Акимова, 1983; Хоменко, 1991).

Перечисленными обстоятельствами определяется **новизна и теоретическая значимость** исследования.

Целью данного исследования является структурно-семантический и функционально-стилистический анализ конструкций конкретизирования в художественных текстах Н. С. Лескова.

Для реализации этой цели необходимо было решить следующие конкретные **задачи**:

- 1) представить систематизированную картину конкретизирующих конструкций, их структуры и типологии в прозе Н. С. Лескова на основе взаимосвязи структурно-морфологического и семантического аспектов;
- 2) выявить экспрессивный потенциал и стилистические возможности конструкций конкретизирования, раскрыть их выразительные качества в художественных текстах Н. С. Лескова.

Источником языкового материала служат прозаические тексты Н. С. Лескова. Для анализа были выбраны 53 произведения, различные по объему, времени создания и жанровой принадлежности. В сопоставительном плане привлекался материал, извлеченный из текстов раннего периода творчества Н. С. Лескова (начала 60-х годов XIX века), периода становления писателя (конец 60-х – начало 80-х) и позднего периода (конца 80-х – начала 90-х годов). Для сравнения были расписаны произведения крупной формы – романы «Некуда» (1864), «Обойденные» (1865) и хроники «Соборяне» (1867), «Захудалый род» (1874), и тексты средних и малых жанров – повесть «Островитяне» (1866), очерк «Воительница» (1866), циклы рассказов «Праведники», «Рассказы кстати», «Святочные рассказы» и другие.

Анализируемый материал в рассматриваемом аспекте в научный обиход вводится впервые.

В общей сложности проанализировано 3109 страниц художественного текста, из которого методом сплошной выборки было извлечено 2201 конструкция.

«Сгущение» подобного рода осложнителей элементарной модели предложения внутри художественного произведения может достигать 5-6 конструкций на страницу текста, что говорит об особой значимости конструкций конкретизирования для стиля Н. С. Лескова. Тщательный анализ структуры, количественного соотношения способов выражения компонентов конкретизирующих конструкций при соотнесении их со сказовой формой повествования в прозе Н. С. Лескова является одной из главных задач исследования, её решение позволит расширить представление о стилеобразующих средствах прозы Н. С. Лескова.

В ходе синтаксического исследования использовались следующие **методы и приемы**: структурно-семантического и функционального анализа, трансформационный, логико-грамматический, стилистического комментирования и пр. Частично представлен метод лингвистической статистики.

Материал диссертации может быть использован в преподавании общего курса по истории русского литературного языка, курса синтаксической стилистики, спецкурса по языку Н. С. Лескова, а также при разработке и проведении научных исследований по языку русской литературы XIX века и для сопоставительного изучения синтаксиса художественной речи XIX-XX веков. Этим объясняется **практическая значимость исследования**.

Положения, выносимы на защиту:

1. Конкретизирующие конструкции имеют большой экспрессивный потенциал, который в полной мере реализуется в произведениях Н. С. Лескова.
2. Конкретизирующие конструкции, отражая влияние устной речи на художественную ткань повествования, служат особым «сигналом» сказа.

Теоретической основой и методологическим ориентиром диссертационного сочинения служат труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные истории и теории осложненного предложения, а именно - уточняющим оборотам, пояснительным конструкциям и др., проблемам лингвостилистики и теории текста (В. В. Виноградова, А. Г. Руднева, А. Ф. Прияткиной, Г. Н. Акимовой, Л. К. Дмитриевой, З. К. Тарланова, Н. В. Патроевой и др.)

Апробация результатов. Основные положения диссертации были представлены в докладах на научных конференциях Петрозаводского государственного университета, Карельского государственного педагогического университета, Невского института языка и культуры (2004, 2005, 2007), в научных публикациях, а также на заседаниях кафедры русского языка ПетрГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении формулируются актуальность темы диссертации, её цели и задачи, называются объект и предмет анализа, определяются источники и методы исследования, характеризуются его научная новизна и практическая ценность, перечисляются положения, выносимые на защиту, представляется структура работы.

В первой главе «Поэтика лесковской прозы» представлен анализ работ, посвященных творчеству Лескова. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Лесков – "художник слога"» подтверждается мысль о том, что Н. С. Лесков – «волшебник слова» (Горький, 1953). Воспоминания современников, письма писателя свидетельствуют о том, что Николай Семенович был критиком строгим и особенно придирчивым по отношению к слогу и технике. Усиленным трудом, работой над каждым словом Лесков сумел «поставить» свой собственный, индивидуальный, отличный от других, узнаваемый голос.

При оценке своеобразия языка писателя в первую очередь критики его творчества отмечают близость художественной речи к разговорной: вкрапления слов и оборотов «народного просторечия» (Столярова, 1978), насыщенность «бытовой разговорно-просторечной лексикой» (Троицкий, 1974). Несмотря на признание Лескова, записанное А. И. Фаресовым, в том, что «этот народный, вульгарный и вычурный язык» не сочинен им, а «подслушан у мужика, у полунинтеллигента, у краснобаев, у юродивых и святош», трудно сказать, однако, «какие из речений действительно подслушаны автором и какие им сочинены в стиле, соответственном своему действительному существующему образцу» (Орлов, 1948). Лесков в совершенстве владел всеми регистрами литературной и разговорной народной речи, он «был необыкновенным знатоком самых разнообразных пластов русского языка и широко пользовался своими знаниями, создавая образы людей самых различных социальных положений» (Видуэцкая, 1979). Его герои по большей части говорят о себе сами, причем каждый по-своему. Особое внимание к личности привело писателя к такой форме повествования, которая дает возможность индивидуальной оценки событий самим героем, - а именно к сказу.

Второй параграф «Лесковский сказ как особое художественное явление» посвящен рассмотрению истории изучения проблемы литературного сказа и выявлению необходимых составляющих сказового повествования (Эйхенбаум, 1924; Тынянов, 1977; Клюев, 1979; Виноградов, 1980; Акимова, 2001). Лесков значительно углубил содержание сказа, открыл в нем новые художественные возможности. В его творчестве «литературная традиция сказового повествования получила свое дальнейшее развитие» (Поэтика сказа, 1978), так как возникает новая жанровая разновидность – сказовая повесть, находящаяся «на стыке повести и романа в силу поставленного в центр характера» (Дмитренко, 1985). Однако если проблема сказового генезиса и его типологии в творчестве Н. С. Лескова и получили более или менее однозначное толкование, то языковые «сигналы» (термин В. В. Виноградова) сказа до сих пор мало изучены.

В третьем параграфе «Языковые «сигналы» сказа» анализируется языковое своеобразие лесковского сказового повествования, которое не может определяться исключительно нормами разговорной речи. Сказ — форма сложной комбинации приемов устно-разговорного и письменно-книжного монологического «речеведения». Так называемые «сигналы», по которым узнается сказ, могут содержаться «не в авторских «ремарках», а непосредственно в его языковой структуре» (Виноградов, 1971), преимущественно на том или ином языковом уровне. В произведениях Лескова таким уровнем является прежде всего синтаксический. Проблема влияния синтаксиса устно-разговорной речи на письменно-литературный язык мало изучена (Валгина, 1978).

Синтаксис Лескова полон непринуждённых форм, грамматических неправильностей, пропусков, повторов, усечений, эллипсисов, интонационных выделений. На эти и другие синтаксические особенности лесковского сказа обращает внимание З. К. Тарланов (1983). Следует дополнить перечисленные синтаксические явления различного рода конкретизирующими конструкциями, осложняющими структуру простого предложения.

В произведениях Н. С. Лескова часто встречаются уточняющие и поясняющие члены, субстантивные обороты и другие построения, имеющие структурное и функциональное сходство. Помимо основной функции исследуемые синтаксические построения в произведениях Лескова становятся одним из наиболее выразительных художественных приемов. Являясь одним из видов осложняющих конструкций, они, несомненно, не только расширяют границы предложения, но и углубляют смысл высказывания.

Во второй главе «Историко-теоретические проблемы изучения конструкций конкретизирования в лингвистической литературе» рассматриваются теоретические проблемы изучения конструкций конкретизирования, выявляются их общие признаки, обосновывается выбор семантико-синтаксического принципа классификации рассматриваемых конструкций. Глава состоит из трех параграфов.

Первый параграф «Спорные вопросы в изучении осложняющих конструкций со значением конкретизирования» посвящен анализу вопросов, вызывающих разногласия в современной лингвистической литературе. Несмотря на то, что интерес к проблемам осложненного простого предложения усилился (Патроева, 2005, Кормилицына, 1988), «далеко не все способы осложнения элементарной структуры выявлены и описаны», «определение взаимосвязи всех таких способов в структуре предложения остается проблемой» (Прияткина, 1971).

Неоднозначно решается вопрос о *разграничении уточнительных и пояснительных конструкций*. Некоторые лингвисты считают уточнение и пояснение «явлениями одного грамматического плана» (Ананич, 1966, Ахмедханова, 1998, Перетрухин, 1970). Однако большая часть работ, посвященных осложняющим простое предложение пояснительным синтагмам, строится на разграничении данных синтаксических явлений по различным признакам (Маркелова, 1994, Прияткина, 1971, Еремеева, 1989). Рассмотрение разных лингвистических позиций позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, учитывая то, что «для определения синтаксической специфики пояснения очень важно отличать пояснение как синтаксическое отношение от пояснения в широком, неспециальном значении слова» (Прияткина, 1971), ограничимся рассмотрением пояснительных отношений в рамках простого предложения, исключая изучение присловных распространителей, второстепенных членов. Во-вторых, принимая во внимание то, что семантический критерий не всегда позволяет разграничить уточняющие и поясняющие конструкции, вслед за Г. В. Маркеловой и Н. В. Патроевой закрепим «термин пояснительная конструкция за союзно (с помощью *а именно, то есть, или, как-то*) оформляемыми оборотами, выступающими как логически равнообъемные, тождественными по отношению к однореферентному компоненту в основной части предложения» (Патроева, 2002).

Трудности разграничения возникают и при рассмотрении *уточнительно-пояснительных и субстантивных оборотов*. Провести грань, позволяющую четко дифференцировать поясняющие, уточняющие и аппозитивные группы, оказывается довольно трудно. С одной стороны, это объясняется спецификой явления пояснения, с другой – тем, что само приложение в работах по синтаксису русского языка определяется неоднозначно. В решении этой проблемы в современной синтаксической науке наметилось несколько различных тенденций. Обособленное приложение и пояснение объединяет ряд формальных характеристик: одинаковое морфологическое выражение, интонационное и графическое обособление, возникновение аппозитивных и пояснительных отношений только в составе предложения, образование пояснительных и аппозитивных конструкций на основе оппозиции поясняемое/пояснение и, соответственно, определяемое/определение = аппозитив (Ильина, 1997). Таким образом, обособленное приложение, независимо от того, к главному или второстепенному члену оно относится, является конкретизирующим членом предложения, функционально-синтаксически дублирующим тот, к которому относится. Ряд структурных особенностей, таких как различная степень автономности морфологического оформления субстантивных форм, разный характер распространителей, лек-

сико-синтаксических средств введения их в предложение и т.д., которые предлагаются Г. А. Основиной (1984) в качестве критериев разграничений приложений и уточнений, позволят точнее представить типологию конкретизирующих членов предложения.

Вопросы, связанные с изучением конкретизирующих конструкций, тесно смыкаются с вопросом определения статуса однородных членов предложения и их отношению к пояснению. Провести четкую грань между *пояснением* и *однородностью* представляется затруднительным, так как их «сближают такие признаки, как наличие цепочки синтагм, подчиненность синтагм в цепочке одному и тому же слову, позиция сцепления с подчиняющим словом (при благоприятном порядке слов), определенная семантическая общность синтагм, дифференцированное представление одного и того же члена предложения» (Дмитриева, 1976). Пояснение и однородность отличаются характером синтаксической связи с «третьим» членом. Если каждый компонент однородного ряда связан с ним непосредственно, то синтаксическая связь пояснения с этим членом осуществляется через посредство поясняемого. Данный критерий помогает разграничить рассматриваемые языковые явления, вместе с тем убеждает в том, что однородные члены предложения при обобщающем слове семантически и структурно близки к пояснению.

Конкретизирующие конструкции иногда сопровождаются значением *присоединения*. Однако не следует смешивать данные языковые явления. Присоединение не требует морфологической соотнесенности с предыдущим высказыванием, тогда как уточняющий член, как правило, дублирует грамматические характеристики уточняемого.

В лингвистической литературе неоднократно поднимался вопрос о разграничении *уточнения* и *включения*. Так, например, А. Ф. Прияткина (1983) рассматривает включение как особый вид пояснительной конструкции. Ю. Р. Лотошко (1993), основываясь на анализе логических операций при пояснении, уточнении и включении, пришел к выводу, что «логическая операция включения, при которой происходит сравнение двух понятий, противопоставлена пояснению и уточнению, при которых происходит определение исходного понятия».

Во втором параграфе «Общие признаки конкретизирующих конструкций» представлена попытка объединения различных синтаксических построений с функцией конкретизации на основании выделения общих структурно-семантических признаков, в числе которых следует отметить особую интонационную выделенность, устойчивую бинарность компонентов, двустороннюю смысловую связь (с конкретизируемым словом и с одним из членов предложения, с которым связано конкретизируемое слово).

В синтаксической науке вследствие нечеткого выделения признаков конструкций с функцией конкретизации, осложняющих структуру простого предложения, выдвигался целый ряд теоретических положений относительно того, какими должны быть описание и классификация уточняющих конструкций. В *третьем параграфе* «Принципы классификации конкретизирующих конструкций» представлен анализ структурно-семантического (Прияткина, 1983; Ильина, 1997), функционально-структурного (Ахмедханова, 1998) и позиционно-синтаксического (Бондаренко, 1952; Шатух, 1959; Ананич, 1966) критериев. Несмотря на то, что в лингвистической литературе чаще приходится сталкиваться именно со структурно-семантическим критерием, позиционно-синтаксический критерий представляется более объективным, не вызывающим разногласий, лишенным нечеткого и двоякого толкования. Вследствие чего в работе выделяются следующие типы конкретизирующих конструкций: конструкции, конкретизирующие подлежащее, конструкции, конкретизирующие сказуемое, конструкции, конкретизирующие дополнение, конструкции, конкретизирующие обстоятельство и конструкции, конкретизирующие определение.

Третья глава «Конструкции конкретизирования в прозе Н. С. Лескова» состоит из пяти параграфов, каждый из которых включает в себя два раздела. В первом представлено детальное описание структуры конкретизирующих конструкций. Во втором – оценка роли исследуемых оборотов в их текстовой функциональности.

Расположение параграфов непосредственно связано с количеством выявленных конструкций. Глава начинается с описания конструкций, конкретизирующих подлежащее (их зафиксировано 794, что составляет 36,07% в анализируемом материале), затем представлены конструкции, конкретизирующие дополнение (598 оборотов, что составляет 27,17%), конструкции, конкретизирующие обстоятельство, незначительно отстают от предыдущего типа (их выявлено 555, что составляет 25,22% от общего числа анализируемых оборотов), конструкции, конкретизирующие сказуемое, занимают четвертую позицию по частотности употребления (162 оборота, что составляет 7,36%), последними описаны в работе конструкции, конкретизирующие определение (их 92, что составляет 4,18%).

Первый параграф «Конструкции, конкретизирующие подлежащее» состоит из двух разделов. В произведениях Лескова, вбирающих в себя все богатство и многообразие национального русского языка, встречаются самые разные способы грамматического представления подлежащего. Что же касается конструкций конкретизирования, то они чаще встречаются при подлежащем, которое выражено существительным (55%): так *Святогор*, *народный богатырь нашего эпоса*, *спит в желе-*

зом гробе (3, 439), или заменяющим его местоимением (34%): *а они, барышни, все слушали* (4, 32), реже – числительным или сочетанием числительного с существительным (5%): *здесь были две девушки, дочери, Юлия и Викторина* (3, 26), и субстантивированным прилагательным (2%): *горничная, Ольга Федотовна, выражалась на этот счет гораздо решительнее* (6, 8). В анализируемом материале не встретилось ни одной конструкции конкретизирования при подлежащем, которое выражено инфинитивом. Особую стилистическую значимость имеют конструкции, конкретизируемый компонент которых формально не выражен (менее 2%): *не минует, бедняжка, красной шапки да ранца* (4, 185).

Второй член конструкции (конкретизирующий) может быть однокомпонентным: *мать его, старушка, ещё жила* (12, 247), двухкомпонентным: *отец Илья, наш священник, добрый-предобрый старичок, скоро пойдет Христа славить* (2, 265), и многокомпонентным: *изобличался местный лесничий по фамилии Красовский, - человек уже очень старый, набожный и постник, джентльмен* (7, 409), причем как распространенным, так и нераспространенным. Преобладающими являются обороты с конкретизирующим однокомпонентным членом, значение которого может уточняться как распространителями, так и сопровождающим его придаточным определительным предложением: *этому виноват был Егор Кожийн – шорник, который ходил по деревням со своей работою* (11, 129).

Потенциал конструкций, конкретизирующих подлежащее, в полной мере проявляется в текстовой функциональности лесковских произведений.

1. Сказовая форма повествования, ориентированная на устную речь, как правило, лишена подробного описания. Возникает потребность в «попутной», незаметно вкрапливаемой в ткань рассказа характеристике. Именно поэтому каждое новое лицо сопровождается кратким комментарием, оформленным в виде конкретизирующего оборота, чем объясняется преобладание именных форм конкретизирования.

Характеризовать героя рассказчик может по разным критериям. Например, по признакам *возраста*: у маркизы была дочь Антонина, *девица взрослая*, (4, 293); *пола*: я, *женщина*, я б не жила пяти минут на свете (3, 401); *физических или внешних данных*: *расселились <...> Емельян Бочаров, толстый белокурый студент, способный на все и ничего не делающий* (4, 498); *по профессии*: сама соперница её, *пекарша Пиднебесная <...> говорила* (12, 242); *по семейным отношениям*: настоятельница монастыря, Агния Николаевна, *родная сестра Егора Николаевича Бахарева, следовательно, по нем родная тетка Лизы* (4, 10); *по занимаемой должности, званию*: и мой дядя, *старый офицер* бывших польских войск, Владислав Фомич Ярошинский (4, 264);

по вероисповеданию: Пани Свентоховская, женщина строгая и ульт-
ракатолличка, приехала к Даше (3, 142); *по национальной принадлеж-
ности*: они ведь, эти лифляндцы, знаете, не так, как мы, русские
(3, 245); *по политическим убеждениям*: этот кузен, русский консер-
ватор, <...> ощутил (2, 385) и др.

2. Прибегая к портретной детали, рассказчик «использует ее «не-
умело», «нерационально» с точки зрения эстетики авторской повество-
вательной формы» (Антонов, 1997). Так, вместо описания разреза глаз,
формы носа и цвета волос героев рассказчик находит нужным сообщать
второстепенные и малозначащие, казалось бы, подробности: *старшая*
*дочь хозяев, Зинаида Егоровна, второй год вышедшая замуж за поме-
щика Шатохина, очень недурная собою особа с бледно-сахарным лицом*
и капризною верхнюю губкою (4, 37); *вошла Варвара Ивановна – круп-
ная, довольно ещё свежая и красивая барыня с высоким греческим про-
филем и низким замоскворецким бюстом* (4, 327). «Капризная верхняя
губка», противопоставление «высокого греческого профиля и низкого
замоскворецкого бюста» – такие штрихи, с точки зрения «изобрази-
тельности», конечно, не могут дать ни целостного, ни объективного
представления об облике персонажа, однако создают яркий образ.

3. Более полными, точными, информативно насыщенными являются,
несомненно, многокомпонентные конструкции. Довольно часто ха-
рактеристики, содержащиеся в многочисленных конструкциях, говорят не
только о настоящем, но и о прошлом героя, «сводятся не к пространст-
венной линии, а к временному процессу и поэтому носят не столько
«фотографический», сколько «биографический» характер, безусловно,
углубляющий образ» (Антонов, 1997): *вышла моя бабушка, княгиня*
*Варвара Никаноровна Протозанова, некогда замечательная придвор-
ная красавица, пользовавшаяся всеобщим уважением и расположением*
императрицы Марии Феодоровны (6, 7); *в Кострому был назначен*
*губернатором Сергей Степанович Ланской, впоследствии граф и из-
вестный министр внутренних дел* (2, 19). Благодаря таким словам, как
«некогда», «впоследствии» и др., «прошедшее как бы вторгается в на-
стоящее и сливается с ним, а настоящее расширяется, создавая времен-
ной план, в известной мере параллельный каким-то моментам прошед-
шего» (Тарланов, 2005).

4. Для языка Лескова также характерны конструкции с функцией
оценки. Способы внесения экспрессии в художественных произведени-
ях разнообразны. 1) Лесков использует *эмоционально-оценочную лек-
сику*, содержащую либо положительный, либо отрицательный заряд:
будто она одна босая, моя золубочка, сидит на полу (3, 212); *а Холуян*
хоть бы, подлец, глазом моргнул (7, 102); *Сонька его совсем заплонила,*
разбойница (4, 87). Чаще в текстах Лескова встречается слова с нега-

тивной окраской. Как отмечает ряд исследователей (Скляревская, 1993; Лукьянова, 1986 и др.), русскому языку вообще свойственно преобладание лексики отрицательной оценки. Г. Н. Скляревская (1997) объясняет это тем, что «отрицательные явления являются сигналом большей интенсивности, чем положительные, потому требуют лингвистического воплощения». 2) Экспрессивными в исследуемых конструкциях могут быть не только слова с предметным значением, но и **определения**: *и я, худой архиерей, не мог с этим ничего сделать* (1, 393), *не бойтесь, оно, шельмовское дитя, все понимает* (3, 127). 3) Особым приемом внесения оценки являются **метафорические выражения**: *но и она <...>, моя роза белая, непорочная, благоуханная и добрая, и она снялась вслед за мною* (1, 76). При метафоризации объект (предмет, человек, действие, свойство) называется «не своим именем», и это всякий раз «производит некий семантический взрыв» (Скляревская, 1997), потому что нарушает автоматизма восприятия. 4) Экспрессивность элементов, входящих в конкретизирующую конструкцию, может достигаться также и особыми **словообразовательными средствами**: *не тем он будь, покойничек, помянут* (6, 24); *она сейчас встает, будто содрогаясь, и идет, милушка, ко мне с лукою* (1, 426). Особенно интересным представляется прибавление ласкательных суффиксов к существительным, которые уже несут в себе негативную окраску. Так, например, в «Очарованном страннике» встречаем фразу: *барин мой..., прохвостик, дома не сидел* (2, 240). Таким столкновением положительной и отрицательной оценки внутри конструкции достигается ещё большая экспрессия: происходит вынужденное смягчение отрицательного коннотативного значения.

5. В произведениях Лескова встречаются различные приемы и способы, с помощью которых автор увеличивает экспрессивный потенциал синтаксических конструкций. Особое значение приобретают построенные, в которых компоненты конкретизирующего оборота расположены дистантно: *он и всю субординацию свою, дурак, позабыл* (6, 20); *погубил он её, что ли, злодей, ножом* (2, 315); а также те, в которых первый член конструкции формально не выражен: *Тебя же ещё будет благодарить и носа с прежними штуками в отцовский дом, срамница такая, не покажет* (4, 92). Лесков создает иллюзию живого, непринужденного общения, собеседники понимают, о ком идет речь и без напоминания, а «скрытый», повторно не названный субъект действия получает яркую характеристику из уст ничем не стесненного рассказчика. Конструкции конкретизирования с повторами также являются особым стилистическим средством: *и вдруг его посетила мысль, - простая, ясная, спасительная и блестящая мысль*. В произведениях Лескова лексический повтор с последующим распространением разворачивает синтаксическую структуру, делает предложение более полным, многоплановым.

Часто такие повторы вводят уточняющие элементы, имеющие градационный оттенок. Нередко распространяющие члены при повторяющейся лексеме создают «образы-перевертыши» (Столярова, 1978). «Подвижность художественных акцентов в обрисовке лиц и событий, подрывающая обычную иерархию главного и второстепенного и кардинально преобразующая общий смысл изображаемого» (Столярова, 1978) является одной из характерных особенностей поэтики Лескова-сатирика.

6. Нередко компоненты конкретизирующей конструкции представлены именами собственными. С одной стороны, они сообщают лишь имена героев, которые никак их не характеризуют, но, с другой стороны, при более тщательном анализе с учетом русской культурной традиции использования обращения по имени, можно выявить функционально-стилистическую роль и этих, «семантически ущербных» (Арутюнова, 1976), конкретизирующих компонентов. Иногда контекст помогает увидеть оценочные приращения смысла обособленного имени собственного, как, например, в предложении *...жил мелкотравчатый герой нашего рассказа Алексашка, или, впоследствии, Александр Афанасьевич Рыжов, по уличному прозвищу «Однодум»* (2, 5). Обособленное имя собственное наряду со значением уточнения имеет очевидную качественно-характеризующую семантику. Эти эмоционально-оценочные приращения смысла рождаются при многозначительном сопоставлении «Алексашка» и «Александр Афанасьевич Рыжов». В некоторых случаях имена собственные используются говорящим не для называния, а для образного сравнения того или иного героя с каким-либо библейским или литературным персонажем, с известным деятелем истории и т.д. В романе «Некуда» представлена *«дочь почтенного сослуживца Гловацкого, восемнадцатилетняя полногрудая Лурдя, Ольга Григорьевна Саренко»* (4, 123). Лурдя чем-то созвучна с Лорелеей, «девушкой дивной красоты» из стихотворения немецкого поэта Гейне. Однако если в оригинале «Die schönste Jungfrau» (Гейне, 1986) – существо прекрасное, поющее неземные, манящие моряков песни, то определение «полногрудая» в произведении Лескова подчеркивает, наоборот, телесность и земное происхождение этой сплетницы, «особого шпиона», как охарактеризовал её автор, которая разносила по городу «всякие дразги» и «секретные ябеды».

Во втором параграфе «Конструкции, конкретизирующие дополнение» описаны обороты, конкретизирующие дополнение. В прозе Лескова преобладают конструкции с конкретизируемым дополнением, выраженным именем существительным (выявлено 300 случаев, что составляет более 50% от общего числа конструкций, конкретизирующих дополнение), также весьма распространенными являются конкретизируемые дополнения, выраженные местоимением (246 оборотов – 41%).

Прочие формы выражения конкретизируемого дополнения малочисленны. Однокомпонентные конкретизирующие члены составляют абсолютное большинство. Таких конструкций среди конкретизаций дополнения 521, тогда как на долю двух- и многокомпонентных приходится лишь 77.

Функционально-стилистические возможности оборотов, конкретизирующих дополнение, в полной мере реализуются в произведениях Лескова.

1. Конструкции, конкретизирующие дополнение, характеризуют лицо *по семейным связям*: *зовет резвого мальчишку, своего приемыша* (1, 62); *по национальности*: *всего больше жен ихних, татарок, пользовал* (2, 258); *по уровню благосостояния*: *навещая нас, бездомников* (3, 305); *на ней, «попрошайке», нищей, не женится никто* (3, 29) и др. Самыми экспрессивными являются нераспространенные конкретизирующие, выраженные существительным: *вот тебя бы, дуру, так сейчас можно спрятать* (4, 346); *его только, бедняжку, не спасло* (4, 378).

2. В некоторых случаях обороты, конкретизирующие дополнение, осложняются обстоятельственными значениями: *и в сем настроении Наталья Николаевна значительно меня, грубого мужчину, превосходила как в ума сообразительности, так и в достоинстве возвышенных чувств* (1, 75). В конкретизирующем компоненте содержится объяснение причины происходящего. Такие явления говорят о многоплановости и многофункциональности конкретизирующих синтагм.

3. Особую значимость приобретают конструкции, имеющие в своем составе повторяющееся слово. Нередко повтор с распространением придает фразе новое значение, порой противоположное первоначальному. Так, например, в предложении: *Лицо Голиафа не было лишено даже своего рода благообразности – благообразности, напоминающей, например, лицо провинциальных актеров, когда они изображают «благородных отцов» в драмах, трагедиях и трагикомедиях* (4, 440), слово «благообразность» в сопровождении «сомнительного» сравнения теряет свою положительную семантику. Конкретизирующий оборот не просто уточняет смысл первого компонента конструкции, но неожиданно сообщает фразе новое, изобилительное значение. Особое звучание приобретает слово при тройном повторе: *глаза <...> бросали искры гнева – гнева не суетного, не сварливого, не мелкого, а гнева большого человека* (1, 46). Экспрессивность конструкции усиливается благодаря использованию таких стилистических приемов, как градация и антитеза.

Третий параграф «Конструкции, конкретизирующие обстоятельство» представляет структуру и стилистическое своеобразие конструкций, конкретизирующих обстоятельство. Лесков использует все многообразие способов оформления конкретизируемых и конкретизирующих

обстоятельств, однако отдает предпочтение наречиям, в том числе и местоименным наречиям (259 конструкций, что составляет 47% от общего количества конкретизаций обстоятельства): *уже по-своему, по-русски, был пообедавши* (2, 45), *она там, в чужих краях, немножко с ума сошла* (6, 179), и именам существительным в косвенных падежах (253 конструкции, что составляет 46% от общего количества конкретизаций обстоятельства): *умер скоропостижно на своем поварском посту – у плиты* (2, 76). Остальные способы выражения обстоятельств используются автором редко. Для языка Лескова характерны однокомпонентные конкретизирующие. Чаще происходит конкретизация с помощью одного слова, которое может иметь распространители.

Конструкции, конкретизирующие обстоятельства, полифункциональны.

1. В произведениях Лескова самыми распространенными являются обороты, конкретизирующие обстоятельства места, направления, времени. Преобладание этих конструкций связано со сказовой формой повествования. Перед рассказчиком стоит цель посвятить в происходящее несведущего слушателя или, как правило, группы слушателей с абсолютно разным жизненным опытом и при этом не потерять их внимание, поэтому использование вместо подробного описания попутных, однако четких и конкретных, характеристик логически оправдано.

2. «Двойное обозначение» (с помощью местоименного наречия, а затем – повторно – с помощью иной части речи с более конкретной семантикой) для языка Лескова не случайно. Это один из способов сегментирования предложения. Между тем расчлененность, сегментированность текста как одна «из самых общих черт экспрессивного синтаксиса» (Акимова, 1976) отражает влияние разговорной речи на письменный текст.

3. Конкретизирующие конструкции, дополненные яркими определениями, передают общее настроение рассказчика, его отношение к обсуждаемому предмету речи: *в самом приличном, самом историческом здании Парижа – в Лувре* (3, 3); *жили все эти герои старомодного покроя на старогородской поповке, над тихой судоходной рекой Турицей* (1, 49) и др.

4. Образность, яркая оценка достигается благодаря использованию автором 1) окказиональных слов: *в службе Храпон попал в «скачки», т.е. верховые пожарной команды в Москву* (2, 102); *больные умирали «борзо», т.е. скоро* (2, 104); 2) переосмысления значения какого-либо известного привычного слова: *как говорят в Харькове, в «Россию», в известное нам село Мерево* (4, 47), *что «на воле», за забором, люди, куда-то поспешая, бегут* (12, 389); 3) метафоричных обозначений: *и обе вместе, чтобы не заснуть, на эту стрелку, на «тиран жизни»,*

и смотрим (6, 28).

5. Конструкции конкретизирования в художественном тексте могут использоваться как специальный художественный прием сатирического письма. В рассказе «Совместители» граф Канкрин, познакомившись с молодым офицером, приглашает его в гости: *«Приходите ко мне за-просто, по-соседски, и мы с вами вместе поиграем»* (7, 253). Обособленный член «по-соседски» выполняет свою обычную собственно уточнительную функцию, то есть конкретизирует мысль говорящего, делая её более точной и ясной для слушателя. Однако при повторении конструкции уже из уст рассказчика через несколько строк художественного текста: *«Молодой человек поклонился, а граф указал часы, когда его удобно посещать запросто, «по-соседски», и они расстались»* (7, 253) – появившиеся кавычки в корне меняют тон повествования, выдают авторскую иронию, придают предложению изобличительное значение. Конструкции конкретизирования, передавая авторское отношение к изображаемому и его критическую оценку, становятся источником комизма.

Четвертый параграф «Конструкции, конкретизирующие сказуемое» посвящен описанию немногочисленных конструкций, конкретизирующих сказуемое. Несмотря на широкий диапазон форм, используемых для оформления сказуемого в произведениях Лескова, конкретизирующие конструкции чаще (выявлено 97 оборотов, что составляет 60% от общего числа конкретизаций предиката) встречаются при именном сказуемом, в состав которого входит существительное со значением лица, прилагательное или местоимение, то есть для данных оборотов в большей степени свойственна функция характеристики субъекта действия, тогда как другие способы оформления предиката реже сопровождаются конкретизацией: *Кулаков честный человек – не вор* (2, 76); *работа эта не наша, не русская* (2, 195). Конструкции, конкретизирующие сказуемое, выраженные простым глагольным (41 конструкций – 26%): *иначе она нам нагадит, напустит внутреннего разлада* (2, 85), составным глагольным (5 конструкций – 3%): *только он «шкандыбать» стал - на левую ножку подпрыгивал* (2, 112) сказуемыми значительно отстают по частотности употребления.

В большинстве случаев конкретизирующий член является однокомпонентным. Зафиксировано 118 подобных конструкций, что составляет 72% от общего числа конкретизаций предиката.

В связи с тем, что компоненты, входящие в состав конструкций, конкретизирующих сказуемое, чаще выражены именем, функционально они во многом совпадают с другими синтаксическими типами конкретизирующих оборотов. Стилистическое своеобразие следует отметить в глагольных построениях. Лесков, выбирая сказовую форму повество-

вания, не случайно останавливается именно на глаголах прошедшего времени. Создается наложение двух планов повествования: то, что происходит сейчас (повествование рассказчика), и то, что происходило раньше (давно минувшие события). «Благодаря как бы «двойному сюжету» – изображению в ретроспекции произошедшей драмы, освещенной поисками героем «правды правденской», и самого процесса постижения этой правды (от «полного смятения к истине», неотразимо возвышающей его ум и сердце, по словам Достоевского) автору повести удается придать изображаемому особую объемность, глубже раскрыть характер героя» (Утехин, 1976).

В пятом параграфе «Конструкции, конкретизирующие определение» представлено детальное описание структуры и функций конструкций, конкретизирующих определение, которые в произведениях Лескова встречаются сравнительно редко. Лесков чаще всего использует обороты конкретизирования со значением оценки и характеристики. Определение уже само по себе призвано называть признак предмета, т.е. его качественную или какую-либо иную характеристику. Возможно, именно этим объясняется сравнительно малый объем конструкций, конкретизирующих определение.

В анализируемом материале преобладают конструкции, конкретизирующие несогласованное определение, выраженные именем существительным в косвенном падеже. Их число составляет 37 конструкций (40% от общего числа оборотов, конкретизирующих определение): *глазам протопопцы, Натальи Николаевны, предстал дьякон* (1, 127). Часто используются конструкции с конкретизируемым определением, выраженным местоимением, их 31 (34%): *как постичь эту молвь, такую бедную и немногословную* (1, 351). Конкретизируемый компонент, выраженный именем прилагательным, встречается не часто, выявлено 20 оборотов, что составляет 22% от общего числа конкретизаций определения: *безграмотный, или по крайней мере «неписьменный», дьячок или пономарь* (1, 340). 4% конструкций имеют неполную структуру, что отражает влияние устной речи на язык Лескова.

Традиционным для поэтики Лескова является преобладание однокомпонентных конкретизирующих членов. Обороты при определении не являются исключением. 70 конструкций (что составляет 76% из всех конкретизаций определения) имеют в своем составе однокомпонентный конкретизирующий.

Конструкции, конкретизирующие определение, несмотря на свою малочисленность, являются особым стилистическим «сигналом».

1. Лесков предпочитает несогласованные определения, которые обладают большими возможностями конкретизации и уточнения признака, так как помимо указания на принадлежность какому-либо лицу они

могут содержать в себе другие характеристики. Значение несогласованных определений может быть расширено благодаря добавлению ярких образных прилагательных и причастий к конкретизирующему члену: *сделалась невестой некоего Фридриха Шульца, очень хорошего молодого человека, служившего в одной коммерческой конторе* (3, 285). Если произвести замену несогласованных определений на согласованные, то присоединение дополнительных характеристик, содержащихся в причастных оборотах, будет затруднительным.

2. Особую стилистическую функцию выполняют определения, выраженные местоимением. Прежде всего это касается использования притяжательного местоимения «наш», с помощью которого рассказчик выражает «свою принадлежность к изображаемому миру» (Попова, 2002). Причем наполнение этой части речи, его конкретизация, может быть самой разнообразной. Местоимение «наш» может указывать на семью, род, дом, то есть людей, имеющих родственные связи, «наш» может разрастись до грандиозных размеров и указывать на русскую нацию и все русское: *где всем этим тальянкам до нашей, до русской* (3, 130). Благодаря такому наполнению местоимения миром рассказчиков Лескова становится вся Россия как страна, государство.

3. Особое значение определения приобретают в тех случаях, когда автор вносит их в текст в кавычках. Лесков использует все возможности этого многозначного пунктуационного знака. В конструкции *имел очень умное «дипломатическое» лицо, продолговатое, бледное, с приветливым, мягким, но в то же время внушающим почтение выражением* (6, 48) кавычки говорят о том, что слово употреблено не в своем обычном значении. В предложении *и в этом разладе должен усмотреть нечто чрезвычайно круговое, или, так сказать, по-вашему, «социабельное»* (7, 58) автор с помощью кавычек подчеркивает, что сохраняет тот вариант произношения слова, который бытует в народной среде. Кавычки могут указывать на новое значение слова, которое рождается благодаря необычному сочетанию, а также могут усиливать сатирическую заостренность авторских комментариев, как, например, в предложении *появились на свет так называемые «поломойные дети» - не признанно, но несомненно благородного происхождения* (2, 22).

В заключении подводятся общие итоги проведенного исследования. Лесков с одинаковой частотностью употреблял конструкции конкретизирования как в ранний период своего творчества, так и в более поздних произведениях. Конкретизирующие обороты становятся одним из наиболее выразительных художественных приемов в прозе Лескова благодаря своей полифункциональности: позволяют увеличить информативную емкость простого предложения, могут выполнять характеризующую и оценочную функцию, могут быть использованы как осо-

бый способ выражения авторской точки зрения, усиливают сатирическую заостренность авторских комментариев, помогают создавать «образы-перевертыши», которые являются одной из характерных особенностей поэтики Лескова и др.

Выявление структурно-семантического и функционального своеобразия данных синтагм в произведениях Н. С. Лескова позволяет говорить об их особой, стилеобразующей, роли в художественном тексте, позволяет говорить о том, что конструкции конкретизирования, отражая влияние устной речи на художественную ткань повествования, служат особым «сигналом» сказа.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Фомина Н. С. Стилистические функции кавычек в прозе Н. С. Лескова // Русская речь. – 2008. – №6. – С. 34-38.*
2. *Фомина Н. С. О некоторых стилистических особенностях использования синтаксических конструкций конкретизирования (на материале повести «Воительница» Н. С. Лескова) // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): Сборник докладов Международной научно-практической конференции (13-16 сентября 2004 г.) / ПетрГУ. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2004. – С. 232-234.*
3. *Фомина Н. С. Особые, семантические, способы выражения уточняющих членов предложения // Тезисы докладов научных студенческих конференций Петрозаводского филиала АНОО ВПО «Международный славянский институт» 2004/2005 и 2005/2006 учебных годов. – Петрозаводск, 2006. – С. 39-42.*
4. *Фомина Н. С. Уточняющие конструкции как примета «народного языка» (На материале произведений Н.С. Лескова) // Филологические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, 3 ноября 2006 г. – Оренбург: Издательство ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – С. 231-235.*
5. *Фомина Н. С. Искусство быть народным (К вопросу о стилистических функциях конструкций конкретизирования в сказе Н.С. Лескова) // Лингвофольклористика на рубеже XX-XXI вв.: итоги и перспективы. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007 – С. 217-223.*

Подписано в печать 20.01.09.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Уч-изд. л. 1. Тираж 100 экз. Изд. № 3.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Типография Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

$$10 =$$